

**РЕКОНФИГУРАЦИЯ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА
КУЛЬТУРЫ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ
ПОСТМОДЕРНИЗМА:
«ВОСКРЕШЕНИЕ СУБЪЕКТА» VS «СМЕРТЬ СУБЪЕКТА»**

Барма Олег Анатольевич

*магистр педагогических наук,
преподаватель кафедры менеджмента
социально-культурной деятельности
УО «БГУКИ», г. Минск,
Республика Беларусь
barma_oleg@mail.ru*

*Путь, по которому должно идти развитие культуры, мне, кажется, ясен...
Это прежде всего преимущественное обращение к человеческим ценностям
...развитие индивидуальных особенностей человека.*

Д.С. Лихачев
Книга беспокойств

Исследовательские программы постмодернизма, эксплицитно фиксирующие установку на реконfigurацию семантического поля категориального строя предшествующих этапов развития культуры, по своим онтологическим и методологическим принципам, выступают в качестве важнейших экзemplификаций постнеклассики, т.е. на методологическом уровне, применительно к социогуманитаристике, постмодернизм рассматривается как теоретический конструкт постнеклассического типа рациональности. Аппликация постмодернистских тематических проектов на проблемное поле постнеклассики и конституируемый им тип культуры согласуются с синергетическими исследовательскими практиками, определяемыми постнеклассикой как концептуально-методологические для своих исследовательских штудий. Содержательное взаимодополнение постмодернистских и синергетических исследовательских программ, реализуемых в проблемном поле постнеклассики, могут быть выявлены на уровне фундаментальных (например, конструирование культурных сред в синергетике и в постмодернизме в контексте нестабильных хаотизированных систем) и прикладных (феномен креативной самоорганизации неравновесных сред в синергетике и креативный потенциал «хаотической текстовой среды» в дискурсивных практика постмодернизма) исследований. Следует отметить, что вопрос о перспективах применения постмодернистских аналитических практик в постнеклассических исследовательских программах сегодня рассматривается позитивно, более того, в исследованиях ряда ученых, идея реализации постмодернистских программ наравне с синергетическими рассматривается в контексте

формирования единого (интегрального) подхода к решению проблем в социогуманитаристике, вызванных формированием техногенной цивилизации. Для постнеклассического типа рациональности идеи постмодернизма представляют интерес не только и не столько в контексте уже выявленных содержательных характеристик, сколько в наличие скрытого в них креативного потенциала: концепции, будучи изначально заданные интенцией раннего постмодернизма, в то же время, содержат в себе скрытый потенциал для дальнейшего самоконфигурирования своего семантического поля в новых социокультурных условиях.

Перспективы использования постмодернистских исследовательских программ с выявлением их скрытого, в первую очередь гносеологического и эвристического потенциала в исследовательских практиках постнеклассического типа рациональности, являются предметом научного исследования как отечественных (М.А. Можейко¹) так и зарубежных (Ю.А. Мелков¹) ученых. Однако остается открытым вопрос о научных инструментариях, применяемых исследователями для выявления креативного потенциала постмодернистских программ, представленных в виде авторских модельных концепций Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Р. Барта и др., в контексте современных научных изысканий постнеклассики. И если данный вопрос может быть решен за счет установки постнеклассики эксплицитно фиксирующий не уничтожение системы идеалов и норм познания предшествующих этапов научно- исследовательской деятельности, а их активное применение в доминирующую систему познания и/или ограничение поля их действия в ней, таким образом разрешается сам собой вопрос научной преемственности, то вопрос о реактуализации семантического поля модальных концепций, основанных на пространственно-временных параметрах (формирование постмодернистских идей под воздействием событий «Красного мая 1968», в традициях «Континентальной философии», являющихся основными критериями для анализа (оценивания) большинства постмодернистских программ) и персональных аспектах (например, связь программных работ Ж. Делеза и Ф. Гваттари с психоанализом) остается открытым. Сегодня в академической науке, в первую очередь в философии культуры, эксплицитно зафиксирована установка на «углубление рефлексии над научным познанием. В поле этой рефлексии, – постулирует В.С. Степин, – включается проблематика социокультурной детерминации научной деятельности <...> погруженной /научная деятельность – текст наш О.Б./ в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями» [9, с. 205]. Ориентация на анализ модальных концепций постмодернизма как результата интеллектуальной деятельности субъекта, связана с учетом мировоззренческих универсалий, являющихся доминирующими в данный исторический период развития культуры и под воздействием

1 Мелков, Ю. А. Человекомерность постнеклассической науки: монография / Ю. А. Мелков. – Киев : ПАРАПАН, 2014. – 254 с.

которых, в рамках рефлексии², возможно разграничение семантического поля теоретических конструкций раннего и позднего² постмодернизма, а именно: использование современных инструментариев (представленных в виде когнитивных моделей, схем мышления, и одновременно опирающихся на них коммуникативных стратегий, на основании которых в культуре формируются специфические культурные порядки, установки и механизмы трансляции культурного опыта), позволяющих выявить скрытый креативный потенциал постмодернистских программ с последующим их использованием в предметных областях постнеклассики.

Интерес в данном контексте представляет фундаментальная программа для позднего (современного) постмодернизма «Воскрешение субъекта» противопоставляющая концепции «Смерти субъекта», сформированная в работах М. Фуко, и, в дальнейшем, специфицирована Р. Бартом как «смерть автора». Смерть субъекта, программный концепт раннего постмодернизма, фундирован презумпцией жесткого отказа от наделения субъекта какими-то когнитивными основаниями. Как отмечает М.А. Можейко, концепция, введенная для обозначения «...тенденции размывания определенности субъект-объектной оппозиции в рамках постмодернистской программы преодоления бинаризма, фиксирующей отказ от презумпции субъекта в любых версиях его артикуляции» [4, с. 774], сегодня демонстрирует свою истощенность в контекстах исследовательских практик, определяющих смещение акцента исследователя, в рамках постнеклассических штудий, с объекта, на познавательные средства, а с познавательных средств на самого познающего субъекта (с его ценностями и установками).

Обращение постнеклассики к программе «Воскрешение субъекта» как к теоретическому конструкту постмодернизма не случайно. Программа согласуется с гносеологическими и аксиологическими идеями постнеклассической методологии, реализуемой применительно к социогуманитаристике по изучению ценностно-смыслового пространства человекообразных систем, непосредственным участником которых является сам субъект: реализуя свой творческий потенциал, по словам В.С. Степина, человек формирует «новый тип интеграции истины и моральности, целерационального и ценностнорационального действия» [8, с. 17], что, как отмечает О.В. Рупташ «позволяет актуализировать ценностно-смысловой потенциал общечеловеческих образцов культуры, моральных принципов и общественных идеалов» [7, с. 72]. В этом ключе рассматривается и понятийное поле культуры, которая по оценке В.С. Степина «может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающая воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных

2 По оценке В.К. Лукашевича, рефлексия направлена на осмысление предпосылок, форм, путей, средств, методов деятельности человека и является «органической интеллектуальной составляющей любого вида человеческой деятельности» [3, с. 50–51].

проявлениях» [9, с. 43]. Таким образом, культура, отмечает М.А. Можейко, «представлена как система программ деятельности и поведения, усвоение которых индивидом в процессе социализации имплицитно формирует у него соответствующие представление о мире, человеке и месте человека в мире, лежащие в основании универсалий культуры того или иного периода» [5, с. 80]. Воскрешение субъекта, с одной стороны, гносеологический конструкт современного постмодернизма, когда в рамках рефлексивного осмысления семантического поля как предшествующих программ («Смерть субъекта») конфигурируется программа способная к преодолению функциональной ограниченности последней за счет выработки альтернативных программ действий, с другой стороны, это аксиологическая программа, позволяющая воспринимать ценностную систему координат, исходя из которой человек воспринимает и интерпретирует явления действительности, сводя их в своем сознании воедино. Воскрешение субъекта происходит под влиянием текстуальной действительности, когда культура воспринимается как метатекст, с заложенными в нее разнообразными программами (что согласуется с пониманием культуры как программы у В.С. Степина), формирующими у субъекта специфические мыслительные инструментариумы позволяющие ему репрезентировать в своем сознании мир (действительность) презентированную в тексте, понимать ее (используя интерпретационные стратегии, заложенные в категориальном строе культуры) и определять ценностные отношения к представленному и понятому. Осмысление метатекстуальности культуры, представленной в тексте (согласуется с идеей открытого произведения У. Эко), позволяет субъекту вырабатывать персонализированные программы деятельности (основанные на разнообразных мыслительных схемах, в которых отражаются, по В.К. Лукашевичу «знание и вера, знание и мнение, знание и ценностные ориентации, знание и клише повседневного практического опыта, а также эмоции, бессознательные структуры и неосознанные культурные коды» [3, с. 49]), позволяющие по М. Хайдеггеру, «...ставить под вопрос, прежде всего истинность принятых предпосылок и уместность поставленных целей» [10, с. 95], уже сгенерированных культурой в качестве нормативных программ деятельности, поведения и общения. Реализация самой идеи воскрешения субъекта в постнеклассических практиках проявляется, по оценке А.Г. Бермуса в попытке «...выхода в новое интеллектуальное и практическое пространство, посредством преодоления всех прежних противоречий» [2, с. 115]. Постулируя программу «Воскрешение субъекта» исследователи обращают внимание на дискурсивные практики постмодернизма, основанные на интерпретации семиотических систем в процессе порождения смысла. Как отмечает С.Н. Оводова, «смысл, репрезентируемый текстом, зависит от типа культуры, в котором он создан, и от того контекстуального пространства, в котором он пребывает» [6, с. 31], под воздействием интерпретационных практик постнеклассики «смысловая целостность текста разрушается,

но не для того, чтобы разрушить текст, а чтобы выстроить свой текст посредством иного текста» [6, с. 57], последний являясь результатом интеллектуальной деятельности самого субъекта познания, позволяет ему преобразовывать текст, раскрывать новые грани его смыслового поля, соотносимые с доминирующим типом культуры и транслируемой иерархической системой ценностей. Преобразовывая исходный текст, субъект по оценке Ю.М. Лотмана³ может выступать творцом, а результатом его деятельности является акт порождения нового текста. Осмысливая акт рождения смысла, Х.Л. Борхес обращается к проблеме конструирования смыслового пространства текста в контексте дискурсивных практик, имеющих место между автором и читателем, где последний, воспринимая исходные идеи автора (в рамках своей интерпретационной матрицы), не может быть уверен в их подлинности (соотношение сказанного и понятого в процессе сублимации), выстраивает смысловое пространство текста в контексте своей культурной традиции: создание нового текста отличает генерирование иного по отношению к предшествующему тексту смысла. По оценке О.В. Архиповой, «человек оказывается в ситуации одновременного существования множества смыслов, в некоем полисмысловом пространстве», что позволяет посредством дискурса «возможность выбора смыслов» [1, с. 195]. Выявление креативного потенциала программы «Воскрешение субъекта» на основе постнеклассической парадигмы позволяет сфокусироваться на эвристическом потенциале личности, что категорически отвергалась концепцией «Смерть субъекта», определить возможности субъекта к интерпретации скрытого смыслового пространства текста как совокупности множества идей, концепций, в рамках которого человек мыслится как творец, а эволюция приобретает смысл креативной эволюции. Программа «Воскрешение субъекта» коррелирует с постнеклассической трактовкой творческого потенциала человека и его соотношение с культурой: «Человек, с одной стороны,

3 Применительно к современной исследовательской интенции, получившей свое развитие в социогуманитаристике, осуществляется попытка перехода, в рамках существующих моделей субъективности, а именно: (до/пред)модерн – модерн – постмодерн, к новой модели, определяемой исследователями как пост-постмодерн. Исследуя ее возможный эвристический и гносеологический потенциал, отечественные и зарубежные ученые склонны определять пост-постмодернизм как возврат к модерну, а в отдельных случаях реактуализация ценностной системы координат существовавшей (до/пред) модерна. Но в обоих случаях ученые склонны считать, что пост-постмодерн позволит преодолеть негативные влияния исходных предпосылок постмодернизма (в первую очередь преодоление идеи деконструкции), оказанных последним на различные системы культуры. На наш взгляд, выявление скрытого креативного потенциала исследовательских программ постмодернизма и их использование для описания современной социокультурной ситуации в контексте гуманитарного познания с помощью постнеклассических исследовательских практик на основе таких позиций (черт) как коммуникативность, диалогичность, интересубъективность, позволит выявить аксиологический потенциал постмодернизма в контексте конструирования программ ценностного измерения социокультурного и личностного потенциала в человекообразных системах.

выступает как творение культуры, поскольку усвоение им хранящихся в культуре эталонов, норм, традиций, знаний программирует его поведение и деятельность, обеспечивает его включение в многообразные социальные связи. С другой стороны, он — творец культуры, поскольку, решая поставленные обществом задачи, он способен, опираясь на почерпнутый из культуры прошлый социальный опыт, создавать новые эталоны, нормы, традиции, знания и таким путем порождать новые феномены и состояния культуры» — отмечает В.С. Степин [9, с. 54].

Концепция «Воскрешение субъекта» в рамках постнеклассики возвращает субъекту право на свободную реализацию своего творческого потенциала: по О.В. Архиповой, «одной из ключевых особенностей постнеклассической культуры /основанной на постнеклассической рациональности — текст наш *О.Б.*/ является готовность и потенциальность данного типа культуры к творческому восприятию и интерпретации наследия классической и неклассической культур» [1, с. 211].

Таким образом, выявляя эвристический и гносеологический потенциал программы «Воскрешение субъекта», постнеклассические исследовательские практики актуализируют его скрытый креативный потенциал, способный оказывать влияние на реконфигурацию смыслового пространства культуры, путем создания новых идей, мыслительных схем, образов и их введение в ментальное пространство культуры через текст и посредством текста с помощью дискурсивных практик между создателем текста и его интерпретатором (актор, интерпретирующий смысловое поле культуры, репрезентированное в авторском тексте). Последнее способно реализовывать потенциал субъекта по созданию нового текста, через который реализуются коммуникативные стратегии субъекта, формирующие, в свою очередь, специфические для данной культуры мыслительные практики и интерпретационные матрицы, являющиеся результатом интеллектуальной деятельности субъекта, а не исторически обусловленными результатами в рамках заданной (узаконенной) культурной традиции, что является одним из парадигмальных оснований концепции «Смерть субъекта».

Список использованной литературы:

1. Архипова, О. В. Идея образования в контексте постнеклассической культуры : монография / О. В. Архипова. — Санкт-Петербург : СПбГИЭУ, 2011. — 267 с.
2. Бермус, А. Г. Модернизация образования: философия, политика, культура: монография / А. Г. Бермус. — Москва : Канон+, 2008. — 384 с.
3. Лукашевич, В.К. Наука в современном ментальном пространстве / В. К. Лукашевич // Социология. — 2015. — № 2. — С. 48–58.
4. Можейко, М. А. Смерть субъекта / М. А. Можейко // Постмодернизм : энциклопедия / сост. : А. А. Грицанов, М. А. Можейко. — Минск : Интерпрессервис, 2001. — С. 774–777.
5. Можейко, М. А. Феномен неравновесных культурных сред и проблема нелинейного моделирования в гуманитаристике / М. А. Можейко // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина / ред-кол. : А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2014. — С. 79–91.
6. Оводова, С. Н. Техника анализа текстов культуры : учеб. пособие / С. Н. Оводова. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. — 108 с.
7. Рупташ, О. В. Смысловые трансформации парадигм в процессе перехода от классической к постнеклассической науке / О. В. Рупташ // Вестник Пермского университета.

Серия: Философия. Психология. Социология. – 2014. – Вып. 1. – С. 68–73.

8. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.

9. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 408 с.

10. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе [сб. ст. : переводы с англ., нем., фр.] / АН СССР, Ин-т философии, Науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники ; сост. П. С. Гуревич. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 93–118.

SOCIAL MOVEMENTS AND POPULAR CULTURE. MEDIA COVERAGE THE GREAT BACKLASH

Paulina Berlińska-Wojtas

Master in Cultural Studies,

PhD candidate, Nicolaus Copernicus University

paulina.berlinska@gmail.com

The development of social and political processes, analyzed through the prism of opening up to the social structure of opportunities and conditions for the mobilization of lead from the grass-roots initiatives to set by collective solutions [1]. In particular, social movements whose appeared in the late 60s of the last century by typing in the particular goals and interests of the community, integrate civil society [...] dissatisfied with some social reasons [2, p.29]. Often, distancing himself from political life, the activities of social movements focused mainly on symbolic actions, thereby ennobling the importance of factors cultural identity and social structures [3, p. 199-226]. The 60s and 70s is a time for the United States increased politicization and struggle for representation of social groups. Specifying the time frame: the events of 1970 in the United States, known world literature as the Hard Hat Riot, I would like to analyze the phenomenon of the Great Backlash proposed by Thomas Frank[4] and undergo reflection presence of backlash in popular culture. I try to compare the mechanisms of appropriation of the left by the sensitive socially conservative.

The starting point for further consideration will be to analyse of historical materials related to the Hard Hat Riot uprising. Moreover, the key for the implementation of the model of the Great Backlash release by press and television provided for the appropriation of places and values assigned to the traditional left on the political scene by the conservative right.

The Great Backlash

Reflection dedicated to social movements in the United States [5] focused on the methods of formation and functioning of the various left-wing projects: the institutional and grass-roots social movements. Michael Kazin directs its